

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 2 / 2023, Vol. 14, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK223.pdf>

DOI: 10.15862/17FLSK223 (<https://doi.org/10.15862/17FLSK223>)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Балюнис, Е. В. Трансформации сюжета о Золушке в текстах русского развлекательного интернет-дискурса: гендерный аспект / Е. В. Балюнис // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK223.pdf> DOI: 10.15862/17FLSK223

For citation:

Balyunis E.V. The plot transformations about Cinderella in the texts of Russian entertainment Internet discourse: gender aspect. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(2): 17FLSK223. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK223.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: 10.15862/17FLSK223

УДК 811.161.1

Балюнис Евгения Владимировна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия

Доцент

Кандидат филологических наук

E-mail: evakallas@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2521-1026>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=884502

Трансформации сюжета о Золушке в текстах русского развлекательного интернет-дискурса: гендерный аспект

Аннотация. В статье анализируются смысловые и ценностные трансформации классического сказочного сюжета о Золушке, наблюдаемые в собственно вербальных и креолизованных текстах развлекательного дискурса Рунета: анекдотах, приколах, статусах, демотиваторах, мемах. Эти анонимные вариативные речевые произведения рассматриваются как образцы «наивной» гендерологии, представляющие собой ценный источник информации о стихийных представлениях русскоязычных пользователей об актуальном гендерном порядке и являющиеся неотъемлемой частью русского гендерного интернет-дискурса. Последний определяется автором как расширяющаяся совокупность различных по природе, структурной организации, специфике лингвостилистического оформления и жанровым параметрам интернет-текстов, которые характеризуются гендерной тематикой и проблематикой, присутствием имплицитных гендерно значимых смыслов и наличием собственных смысловых доминант, ценностей и антиценностей. Устанавливается, что имя главной героини сказки представляет собой узуальный коннотативный литературный антропоним и играет ключевую роль в организации смыслового пространства развлекательных интернет-текстов. Результаты количественного анализа показывают, что 75 % выявленных текстов о Золушке содержат эксплицитные гендерные смыслы, представляют типизированные образы фемининности и маскулинности, а также репрезентируют как антиценности брак и романтические отношения. Устанавливается, что в 93 % всех гендерно значимых интернет-текстов о Золушке присутствует ярко выраженная негативная оценка: в 126 единицах (57 %) — обобщенного фемининного образа; в 58 (26,2 %) — маскулинного; в 29 (13,1 %) — брака (романтических отношений), — при этом в отдельных контекстах негативно оценивается одновременно и брак как социальный институт, и одна из гендерных категорий. Бродячий сказочный сюжет, его ключевые образы и мотивы, а также содержащиеся в нем аксиологемы становятся объектом стеба анонимных пользователей и подвергаются карнавальному переосмыслению. Автор показывает, что в

смысловом пространстве текстов современного русского киберфольклора значимые компоненты классического источника претерпевают гротескные трансформации, которые способствуют деаксиологизации таких концептов, как «Любовь» и «Брак», а также созданию негативных обобщенных образов фемининности и маскулинности.

Ключевые слова: гендерный интернет-дискурс; гендерная картина мира; фемининность; маскулинность; стейб

Введение

Стремительная экспансия новейших средств массовой коммуникации, базирующихся на интернет-технологиях и допускающих относительно свободное размещение пользовательского контента, позволяет говорить о появлении принципиально новой сферы функционирования гендерных смыслов, облегчающей процесс обнародования и распространения образцов «наивной» гендерологии — разнообразных речевых произведений, содержащих стихийные представления пользователей о гендерном порядке. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного научного осмысления русского гендерного интернет-дискурса — расширяющейся совокупности различных по природе, структурной организации, специфике лингвостилистического оформления и жанровым параметрам интернет-текстов на русском языке, для которых характерна гендерная тематика и проблематика и/или наличие имплицитных гендерно значимых смыслов. Очевидна тенденция к формированию в рамках неформальных интернет-опосредованных речевых практик целого ряда локальных систем актуальных гендерных представлений, смысловых доминант, ценностей и антиценностей. Эти системы могут иметь существенные отличия как друг от друга, так и от национальной картины мира.

Анализируя способы репрезентации национально-специфичных гендерных представлений в разных сферах языкового употребления, исследователи используют такие непротиворечащие терминологические сочетания, как «гендерный аспект картины мира» [1], «гендерные характеристики картины мира» [2–4], «гендерные особенности картины мира» [5; 6], а также «гендерная картина мира» [1; 7–9]. Под гендерной картиной мира понимается «упорядоченная, непротиворечивая и внутренне связанная, структурированная совокупность существующих в обыденном сознании языковых и культурных ориентаций, ценностей, установок, идеалов, в которых находит отражение языковая и культурная дифференциация полов» [10, с. 35]; «модель отношения к положению женщины и мужчины в мире» [8, с. 117]. Она «является «тематической составляющей», частью общей картины мира человека» [8, с. 116], а также языкового коллектива. Отмечается, что ключевой характеристикой ГКМ является «гендерная доминанта сознания», «которая представляет собою интегральное отношение к положению мужчины и женщины в семье и обществе» и «специфически проявляется <...> на уровне гендерных идеалов, общих гендерных диспозиций и ситуационных установок» [8, с. 114]. Исследователи говорят о сосуществовании разных ГКМ: Западной и Восточной в глобальном масштабе [10], «традиционно-патриархатной», «переходно-амбивалентной» и «современно-эгалитарной» в рамках конкретного национального социо- и лингвокультурного пространства [8, с. 117–118].

Разные сферы языкового употребления, дискурсивные пространства, коммуникативные практики социальных объединений, представляющих собой языковые коллективы, могут иметь свои собственные образы реальности и системы представлений и ценностей. С целью их обозначения и теоретического осмысления З.И. Резанова вводит терминологическое сочетание «дискурсивная картина мира» [11; 12]. Под дискурсивной картиной мира понимается «часть языковой картины мира, воплощенная в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом

социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами» [11, с. 99], а в более поздних публикациях — «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов, включенных в социальные практики, и репрезентированная в совокупности дискурсивно обусловленных вариантов языковых единиц» [12, с. 186]. Исследователь подчеркивает, что «дискурс в социальных практиках формирует новые внутрисубъективные системы значимостей по отношению к языковым» [12, с. 186]. В настоящее время мы можем говорить о ГКМ массмедийного и рекламного дискурсов, системе гендерных представлений фольклорной и диалектной картин мира, ГКМ маскулинистского и феминистского дискурсов, а также не связанного с речевыми практиками гомогендерных сообществ интернет-дискурса в целом. Однако их комплексное теоретическое осмысление, выявление системных связей, определение и сопоставление смысловых и ценностных доминант, установление четких границ и зон взаимоналожения не представляется возможным без скрупулезного анализа множества «частных случаев» вербализации конститuentов ГКМ разных дискурсах.

В настоящем исследовании выявляются смысловые доминанты ГКМ, порождаемой собственно вербальными и креолизованными интернет-текстами, которые обладают целым рядом функциональных признаков фольклорного речевого произведения и являются неотъемлемой частью развлекательного (досугового) интернет-дискурса. Как отмечает М.Н. Ляшева, «именно развлекательность, неформальная обстановка и слабая подверженность цензуре <...> дают возможность пользователю свободно выражать себя, а исследователю — обнаружить истинное отношение к непреходящим ценностям и выявить те из них, которые больше отвечают требованиям современного общества» [13, с. 65]. Объектом настоящего исследования является ГКМ, порождаемая текстами, манифестирующими неформальную интернет-коммуникацию на русском языке; предметом — средства вербализации смысловых трансформаций прецедентного гендерно значимого сюжета сказки о Золушке, присутствующие в составе как собственно-вербальных, так и креолизованных интернет-текстов. Цель работы состоит в выявлении и описании смысловых доминант семантического пространства указанных речевых произведений.

Материалы и методы

Исследование проводится на материале анонимных вариативных интернет-текстов развлекательного характера, отобранных методом сплошной выборки в ходе непосредственного наблюдения за коммуникативным пространством более 100 русскоязычных развлекательных интернет-порталов, размещающих пользовательский контент: *anekdoty.ru*, *anekdotovstreet.com*, *shytok.net*, *stuki-druki.com.*, *fun.tochka.net*, *anepedia.mobi*, *kartinkof.club*, *vse-shutochki.ru*, *smehotisha.ru*, *folklibrary.ru*, *smehovo.ru*, *anekdotov.me*, *bumbarashka.ru* и многих других. В общей сложности было выявлено 294 текста:

1. Собственно вербальные речевые произведения, помечаемые как анекдоты, приколы, статусы, афоризмы: 181 единица (61,6 %).
2. Негомогенные вербально-визуальные конструкторы (демотиваторы, мотиваторы, коллажи, комиксы, а также тексты без метажанрового комментария): 113 единиц (38,4 %).

Для исследования выявленного эмпирического материала применяются лингвистические методы семантического, контекстуального и дискурсивного анализа и литературоведческий метод мотивного анализа.

Результаты и обсуждение

Сюжет о *Золушке* является одним из самых распространенных источников прецедентности в коммуникативном и лингвокультурном интернет-пространстве. Анализируя специфику функционирования интернет-мемов, содержащих «сказочные» прецедентные феномены, и определяя частотность использования разных сюжетов в текстах такого рода, О.В. Власова устанавливает, что в русскоязычном киберпространстве сказка о *Золушке* находится на втором месте по популярности после «Белоснежки» [14, с. 1235]. Очевидно, что востребованность древнего бродячего сюжета в виртуальной среде является следствием его огромной общекультурной значимости. Отмечается, что история о *Золушке* легла в основу множества литературных, театральных и кинематографических адаптаций, при этом она все еще «остаётся одним из самых экранизируемых сюжетов мирового кинематографа» [15, с. 36]. Классический (изначально — фольклорный) сюжет может претерпевать значительные фабульные, смысловые и аксиологические трансформации, однако его аксиогенный потенциал, идеологическая и воспитательная функции, а также способность к порождению и ретрансляции социально значимых смыслов остаются неизменными.

Русскоязычные развлекательные ресурсы публикуют отдельные коллекции (собрания) анонимных вариативных речевых произведений, объединенных общим заголовком, в котором содержится литературный антропоним *Золушка* и способствующие категоризации и систематизации текстов вербализаторы метажанровой рефлексии: *Анекдоты про Золушку*; *Смешные анекдоты про Золушку*; *Прикол на тему Золушка*; *Веселые анекдоты про Золушку*; *Статусы про Золушку*; *Прикольные статусы про Золушку*; *Цитаты на тему «Золушка»*; *Смешные фразы про Золушку*; *Золушка — лучшие высказывания, цитаты, афоризмы*; *Смешные афоризмы про Золушку*; *Приколы про Золушку*; *Золушка — приколы*; *Картинки про Золушку*; *Золушка смешные картинки*; *Картинки Золушка*; *Демотиваторы Золушка*; *Прикольные картинки про Золушку*; *Золушка по-русски — демотиваторы*; *Золушка — новые прикольные фото, анекдоты, видео*. Имя женского персонажа нередко используется как хэштег и тем самым способствует тематической рубрикации текстов и их объединению в рамках одного гипертекстового пространства. Абсолютное большинство выявленных текстов вариативно и размещается на разных ресурсах, речевое произведение, опубликованное на одном развлекательном портале с пометой *анекдот (статус, прикол)*, может входить в качестве вербальной составляющей в структуру креолизованного текста (*демотиватора, мема*), размещенного на другом сайте; при этом установление автора, первоначального источника и времени публикации не представляется возможным.

Имя главной героини бродячего сюжета играет важнейшую роль в организации смыслового пространства тяготеющих к фольклорности интернет-текстов. Оно представляет собой так называемый «зуальный коннотативный литературный антропоним» (термин — Е.С. Отина) [16, с. 57]. Осмысляя специфику функционирования коннотативных онимов (коннотонимов), Е.С. Отин подчеркивает следующее: «референтные коннотации «накапливаются» в онимах благодаря более или менее регулярной востребованности в разных речевых ситуациях какой-то части их энциклопедической информации о денотатах и благодаря их многократному выражению в разных видах речи» [16, с. 55]. В данном случае принципиальное значение имеет теснейшая связь ономастической единицы с исходным сюжетом и его ключевыми формально-содержательными компонентами. Согласно М. Чеховой, *Золушка* — это так называемый *poem open*, т. е. знаковое, говорящее имя, выполняющее чрезвычайно важную функцию в фольклорном сказочном тексте: оно представляет собой «концентрированную характеристику или описание персонажа», указывает на его типичное свойство или особенность внешнего облика, а также «метафорически отражает функцию персонажа в сюжете» [17]. Имя *Золушка* мифологично в том смысле, что оно в максимально концентрированном виде содержит отсылку к структуре фабулы бродячего сюжета.

Отмечается, что на данный момент зафиксировано более тысячи различных вариаций сказочного нарратива 510 а, при этом все они имеют ряд общих черт и архимотивов [17]. Так, R.D. Jameson выделяет пять устойчивых частей сказки: героиня испытывает на себе жестокое обращение; она вынуждена выполнять черную работу; она встречает принца/принц узнает через посредников о ее красоте и исключительности; ее идентифицируют; она выходит замуж за принца [18, с. 71–97]. М. Чехова восстанавливает следующую последовательность формально-содержательных компонентов сюжета: (1) «герой (героиня) покидает/теряет свой родной дом»; (2) «герой (героиня) подвергается испытаниям (неоднократно испытывает страдания, приносит жертвы или выполняет практически невыполнимые задания)»; (3) «горе и лишения преодолены (герой справляется со всеми препятствиями, в т. ч. благодаря сверхъестественному вмешательству)»; (4) «герой (героиня) обретает новый вид (трансфигурация)/одевается в новые одежды»; (5) «герой (героиня) восходит на королевский трон (свадьба)» [17]. В анализируемых речевых произведениях русского развлекательного интернет-дискурса актуализируются мотивы тяжелого труда и лишений, сверхъестественного участия волшебного помощника, счастливого супружества, а также мотив волшебного преобразования или превращения. Чрезвычайно актуальным является образ «чудесной невесты» — один из важнейших архетипов русской волшебной сказки. Однако в семантическом пространстве мира, порождаемого текстами современного русского киберфольклора, ключевые образы и мотивы древнего бродячего сюжета претерпевают гротескные трансформации, которые способствуют деаксиологизации тех или иных смысловых доминант ГКМ.

Из вошедших в авторский корпус 294 интернет-текстов о *Золушке*, только 73, что составляет 24,8 % от общей выборки, не имеет ярко выраженных гендерно значимых смыслов. Это анекдоты, в которых на первый план выдвигается мотив волшебного превращения с эффектом обманутого ожидания, а интертекстуальная связь со сказочным сюжетом способствует появлению комического эффекта, например: *Звонок в службу технической поддержки: / — Алё! Какого чёрта инет после полуночи пропадает? / — Так у Вас новый тариф — «Золушка»*¹ (здесь и далее сохраняются орфография и пунктуация первоисточника — Е.Б.). В некоторых текстах отсылка к сказке о Золушке является способом выражения социальной и/или политической критики, негативного отношения к текущему положению дел, которое не имеет ничего общего с гендерными вопросами: *И помни, Золушка: как пробьет двенадцать, начнется полное импортозамещение!*². В целом ряде анекдотов сказочная героиня попадает в некую типичную неприятную ситуацию, испытывает на себе последствия волшебного превращения с подвохом или вынуждена выполнять трудную работу: *Золушка спешила на бал. Было без пяти одиннадцать. Резвые кони неслись во всю прыть. Но вдруг... кони превратились в крыс, кучер в мышь, золотая карета в тыкву. Какой-то негодяй перевел часы на «летнее время»...; Поставила как-то злая мачеха Windows 98 и Windows XP в одну папку, позвала Золушку и сказала: **ЧТОБЫ К УТРУ ОБЕ СИСТЕМЫ БЫЛИ ПО РАЗНЫМ ПАПКАМ...***³ Подобные тексты представляют собой основанную на самоиронии попытку смехового осмысления повседневных жизненных неурядиц, с которыми может столкнуться любой человек, не справляющийся с абсурдными указаниями начальства на работе или не успевающий адаптироваться к переводу часов на летнее время. Поскольку проблемы *Золушки* носят внегендерный характер, в данном случае идентифицировать себя с героиней может читатель любого пола, однако в отдельных коммуникативных ситуациях при соответствующем

¹ <https://www.anekdotovmir.ru/anekdoty-pro/anekdoty-pro-geroev/anekdoty-pro-skazki/anekdoty-pro-zolushku/smeshnye-anekdoty-pro-zolushku/>.

² <http://www.vysokovskiy.ru/new/zolushka/>.

³ <https://anekdoty.ru/pro-zolushku/page/2/>.

контекстуальном и метатекстовом окружении гендерная составляющая смыслового пространства подобных анекдотов может актуализироваться.

Из 294 речевых произведений составленного нами корпуса 221 текст (75,2 % от общей выборки) является гендерно значимым, т. е. содержит эксплицитные гендерные смыслы, тем или иным образом воссоздает некий фрагмент ГКМ, представляет образ феминности, маскулинности или обеих категорий. Из 221 текста 142 единицы (64,3 %) — это речевые произведения, в которых вербализируется, осмысливается или оценивается фемининный образ. В 58 единицах (26,2 %) на первый план выходит критика маскулинности. В 29 текстах (13,1 %) подвергаются деаксиологизации и репрезентируются как антиценности романтические отношения и/или брачный союз. Такое процентное соотношение обусловлено тем, что в некоторых собственно вербальных текстах подвергаются одновременной актуализации все три смысловые доминанты: маскулинность, фемининность и супружество (романтические отношения). Необходимо отметить и то, что в 205 текстах (92,8 % всех гендерно значимых речевых произведений составленного корпуса) присутствует ярко выраженная негативная оценка: в 126 единицах (57 %) — обобщенного фемининного образа; в 58 (26,2 %) — маскулинного; в 29 (13,1 %) — брака (романтических отношений), — при этом в отдельных контекстах негативно оценивается одновременно и брак как социальный институт, и одна из гендерных категорий. В 16 текстах (7,2 %) негативная оценка не выражена эксплицитно и однозначно, но может быть восстановлена. Это анекдоты и демотиваторы, в которых акцент делается на тяготах и лишениях женской доли, например: *Золушка никогда не просила себе принца. Она просила выходной и красивое платье.*⁴

Категория феминности представляет собой важнейшую смысловую доминанту анализируемого множества интернет-текстов. Она является ключевой в семантическом пространстве 142 анекдотов и демотиваторов, что составляет 64,3 % всех выявленных гендерно значимых речевых произведений, при этом образ главной героини способствует экспликации представлений о типичной женщине с её трудностями и невзгодами, а также чертами характера и особенностями поведения. В 126 текстах создается нелицеприятный фемининный образ и присутствует критика поведения, которое анонимные интернет-пользователи считают характерным для современниц, а также негативная оценка интересов и ценностей, приписываемых женщинам. Современная *Золушка* предстает похотливой и разнузданной девицей с вредными привычками: *Если Золушка оставила у вас дома трусы и гору бычков в пепельнице, значит вы попали не в ту сказку...*⁵; *В два часа ночи доброй фее на мобильный приходит сообщение: Полночь прое..., бухаю с крысами. Золушка.*⁶ В отдельных текстах *Золушка* показана как алчная особа, заинтересованная в достижении материальных благ посредством помощи феи или за счет участия принца: *Если не романтизировать сказку о Золушке, то это история о том, как провинциалка взяла напрокат дорогие шмотки и арендовала карету, чтобы склеить местного мажора*⁵; — *Золушка собирайся, а то на бал опоздаешь... / — О, насчет бала! Можно мне в этот раз карету не из тыквы, а из баклажана сделать? / — Это почему? / — Ну, представляешь, подъезжаю я такая на фиолетовом Ламборджини, а то этот Желтый джип меня достал!*⁶. Особая значимость финансовой составляющей романтических отношений, может эксплицироваться и другим образом, как это происходит в следующем тексте: *Когда девушки говорят, что мечтают о сказочном принце, почему-то всегда имеется в виду сказка про Золушку, а не про Щелкунчика...*⁷ В данном

⁴ <https://www.inpearls.ru/990336>.

⁵ <https://anekdotovstreet.com/multiki-skazki/zolushka/>.

⁶ <https://anekdoty.ru/pro-zolushku/page/3/>.

⁷ <https://shytok.net/anekdots/anekdots-pro-zolushku.html>.

случае *Золушка* — это не типичная женщина, а ориентир социального лифта для современных девушек, эталон женской судьбы, привлекательный для большинства. Ему противопоставляется фемининная роль, изображенная в сказке «Щелкунчик и Мышиный король» и предполагающая активное и деятельное участие женщины в судьбе своего избранника, заботу о нем. С одной стороны, это высказывание эксплицирует негативное отношение к ценностям современниц, а также к их стремлению к получению материального и социального блага от партнера, а с другой — оно является свидетельством того, что мужчина может сам испытывать потребность в женской опеке и не стесняться об этом говорить.

Нередко высмеивается внешность *Золушки*, искусственность ее облика или несоответствие представлениям о женской красоте: *А ровно в 12, Золушка, все что подтянуто обвиснет, а силикон превратится в тыкву*⁵; — *Здравствуйте, Золушка. Ой, какое у вас шикарное открытое декольте.* / — *Что вы, что вы... Просто фея поторопилась, там должна быть моя спина.*⁶ В подобных текстах демонстрируются некоторые особенности женского поведения и внешнего облика, не соответствующие стереотипным представлениям об эталонной фемининности. Негативно маркируются вредные привычки (употребление табака, алкоголя, психотропных веществ), грубость и вульгарность как неречевого, так и вербального поведения женщины, отклонения от общепризнанного стандарта женской красоты (высокий рост, лишний вес, большой размер ноги, неправильные черты лица, а также признаки возрастных изменений), что характерно как для собственно вербальных, так и для креолизованных интернет-текстов. Регулярно встречаются демотиваторы, визуальная составляющая которых представлена весьма неприглядным фотографическим изображением женщины в состоянии алкогольного опьянения, внешне непривлекательной женщины, а также предметов женского гардероба парадоксально больших размеров, при этом в качестве вербального компонента используется тяготеющее к устойчивости высказывание *Золушка уже не та*. В подобных речевых произведениях сказочной «чудесной невесте» противопоставляется крайне непривлекательный образ обычной женщины, подчеркивается комическое несоответствие современниц ретранслируемым с помощью бродячего сюжета представлениям об эталонной фемининности и происходит последовательная деаксиологизация обобщенной женственности.

В некоторых анекдотах высмеивание фемининного начала осуществляется посредством десакрализации женской интимности, ключевым моментом сюжетной коллизии становится трансфигурация предмета гигиены или контрацепции: *Фея говорит Золушке: Вот тебе хрустальный тампак, но запомни ровно в полночь он превратится в тыкву.*⁸ Сознательное и целенаправленное нарушение табу на упоминание интимных аспектов биологического пола в публичном пространстве приводит к тому, что мотив волшебного превращения обретает гротескные и циничные формы. А.П. Сковородников понимает под лингвоцинизмами «такие слова, словосочетания или целые высказывания (предложения, микротексты), в которых содержится циничное, то есть противоречащее нормам нравственности и благопристойности нигилистическое, унижающе-глумливое отношение к тому, что представляет собой более или менее общепризнанную ценность (общечеловеческую, национальную, корпоративную, личностную)» [19, с. 53]. Подобное глумливое отношение к женскому началу, демонстративное ограничение представлений о женственности областью телесного низа, упоминание аспектов женской физиологии и их осмысление в рамках категории комического характерно для низовой словесности, просторечной и блатной речевых практик. Вполне вероятно, некоторые из рассматриваемых речевых произведений возникли в постперестроечный период как артефакты городского фольклора и изначально представляли собой естественную смеховую реакцию языкового коллектива на деинтимизацию женской физиологии в рекламном дискурсе.

⁸ <https://anekdoty.ru/pro-zolushku/page/4/>.

Сохранение и распространение подобных текстов в лингвокультурном пространстве неформальной интернет-коммуникации, с одной стороны, свидетельствует об их важности и значимости для сообщества интернет-пользователей, а с другой — закрепляет и санкционирует вербализацию циничного, пренебрежительного и уничижительного отношения к женскому началу, способствует деаксиологизации фемининности в речевых произведениях, представляющих собой феномены массовой коммуникации.

В 58 интернет-текстах (19,7 % от общей выборки и 26,2 % гендерно значимых речевых произведений) осуществляется конструирование обобщенного образа негативной маскулинности. В смысловом пространстве рассматриваемых интернет-текстов принц представляет собой обобщенный мужской образ: это рядовой, типичный мужчина с утрированными стереотипными недостатками. Анонимные интернет-пользователи приписывают герою негативно оцениваемые черты характера и особенности поведения, которые, по их мнению, свойственны большинству представителей мужского пола: неуважение к женщине, циничность, половую несдержанность, неспособность к организации быта, стремление к использованию женского домашнего труда. Таким образом фокус внимания сосредотачивается на антиценностях, связанных с представлениями о маскулинности, однако при этом высмеивается не столько мужское поведение, сколько женские ожидания от партнера, наивная вера в мужской идеал, в возможность счастливого супружества. В большинстве текстов негативный образ маскулинности создается посредством апелляции к стереотипным представлениям о том, что для мужчины важна физическая сторона отношений, а внутренний мир партнерши, ее личность, мысли, эмоции, самочувствие не имеют никакого значения. Большинство выявленных интернет-текстов, выражающих эту идею, носит откровенно гривуазный характер, например: — *Почему принц искал Золушку по туфельке, он что, лица ее не запомнил? / — Нет, у ней была шикарная грудь и огромное декольте; Примеряя хрустальную туфельку на ногу одной из сводных сестер Золушки принц неожиданно понял, что на девушке нет трусиков. И тут уже размер обуви стал неважен...*⁵ Подобные анекдоты сталкивают смысловое пространство сказки и реальный мир «взрослых» отношений, при этом сказочная реальность обесценивается, высмеивается, становится неприличной и предстает перед читателем отраженной в кривом зеркале пошлого юмора. От источника остаются хорошо узнаваемые персонажи и мотивы, при этом трансформации последних могут создавать эффект обманутого ожидания, усиливаемый циничностью вторичного текста. Актуализация мотива превращения влечет за собой столкновение и противопоставление мира сказки и реальности, а использование мотива исчезновения — переосмысление самого сказочного смыслового пространства: *Золушки исчезают в полночь, а принцы — ранним утром.*⁹ Карнавализованная, перевернутая и опошленная сказка преподносится как правдивый источник настоящей житейской мудрости, демонстрирующий честный взгляд на гендерные отношения, в которых нет места любви и уважению.

С мотивом волшебного превращения и эффектом обманутого ожидания связана группа текстов о бытовой нагрузке, которая ложится на женщин после свадьбы, например: *Золушка вышла замуж за принца. Он разбросал по её комнате лепестки роз, но в 12 они превратились в носки.*⁷ Этот текст — один из самых распространенных в Сети вариантов анекдотов о Золушке, его размещает большинство развлекательных порталов как в собственно вербальном варианте, так и в составе разных креолизованных текстов, интернет-мем с этим высказыванием приводит в своей статье и О.В. Власова [14]. Далеко не всегда представляется возможным разграничение негативной оценки маскулинности и осмысления тягот женской доли. Согласно представлениям интернет-пользователей, именно с мужчиной связаны непосильные бытовые

⁹ <https://www.anekdotovmir.ru/anekdoty-pro/anekdoty-pro-geroev/anekdoty-pro-skazki/anekdoty-pro-zolushku/veselye-anekdoty-pro-zolushku/>.

обязанности, которые вынуждена выполнять женщина. Сетевые анекдоты воспроизводят в максимально краткой и емкой форме модель взаимоотношений угнетателя и угнетаемого: — *Принц, сынок! Где моя любимая невестка Золушка? Пусть придет и уберет в моей спальне... /— Отец! Она освободится через неделю, ей на кухне всю посуду надо перемыть...*⁵ В некоторых речевых произведениях имеет место ироническое переосмысление фабулы сказки о Золушке, основанное на иной трактовке последовательности событий. Если в традиционном варианте изложение завершается мотивом счастливого супружества, способствующего восстановлению справедливости, попоранной в начале повествования, то в интернет-анекдотах брак предстает как начало настоящих, уже не сказочных тягот и лишений, например: *Бедная Золушка мыла посуду, прибирала покои, стирала белье для отца, мачехи, и двух ее дочерей. Вышла замуж за принца. Теперь моет посуду, прибирает покои, стирает белье для всего королевского двора; Если посмотреть фильм «Золушка» задом наперед, то этот фильм о том, как женщина познаёт своё место в жизни*¹⁰. Такая деаксиологизация брака и супружеских отношений имеет место в целой серии демотиваторов, визуальный компонент которых представлен фотографическим или рисуночным изображением женщины, выполняющей работу по дому (моющей полы или посуду, чистящей обувь и т. д.), а вербальный — следующим высказыванием: *Золушка. После свадьбы фронт работ увеличился*. В традиционном сюжете мотив счастливого супружества — это не просто завершение повествования, но и восстановление справедливости, попоранной в начале сказки. В выявленных развлекательных интернет-текстах вступление героини в брак приводит к еще большим тяготам и лишениям.

И сам классический сказочный сюжет, и ретранслируемые с его мощью аксиологемы, подвергаясь смеховому карнавальному переосмыслению, становятся объектом стеба анонимных интернет-пользователей. В научной литературе стиб характеризуется и как социокультурный феномен, и как механизм адаптации и защиты, и как художественный прием. Б.В. Дубин определяет это явление как «разновидность публичного интеллектуального эпатажа, который состоит в провокационном и агрессивном, на грани скандала, снижении любых символов других групп <...> через подчеркнутое использование этих символов в несвойственном им, пародийном или пародическом контексте, составленном из стереотипов двух (точнее, как минимум, двух) разных лексических и семантических уровней, рядов» [20]. Н.Е. Вокуев считает, что подобная культурная провокация (эпатирующее интеллектуальное/вербальное/творческое действие) представляет собой «форму негативной самоидентификации, которая заключается в ироническом приуменьшении ценностей и символики иных социальных групп» [21, с. 30]; «явление переходного периода», которому «свойственны маргинальность и амбивалентность» и которое в силу своей двойственности воспринимается как «глумление, издевательство над святым» [21, с. 37]. По мнению исследователя, представляя собой негативную индентификацию, стиб связан с невозможностью «положительного самопредставления», обусловленного отсутствием консолидирующей системы ценностей, при этом подобная ситуация часто возникает в период масштабных социальных кризисов [21, с. 37]. Сиб как лингво- и социокультурный феномен непосредственно связан с речевыми практиками разного рода субкультур и образцами низовой словесности, которые демонстративно противопоставляются «каноничным» артефактам культуры и представленным в них социально одобряемым аксиологемам. Рассматриваемые развлекательные интернет-тексты, смысловое пространство которых формируется посредством трансформаций и гротескного переосмысления классического сказочного сюжета, представляют собой своеобразные реплики в диалоге между официальной культурой и низовой словесностью Рунета. В данном случае речь идет не столько об обесценивании смыслов классического сюжета, сколько об иронической или даже саркастической демонстрации его

¹⁰ <https://anekdoty.ru/pro-zolushku/>.

наивности, оторванности от реальной жизни. На передний план выдвигается представление о несоответствии мира сказки и реальной действительности, за гротескным опрокидыванием сказочного пространства угадывается глубокое разочарование в любви и романтических отношениях.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что ключевыми смысловыми доминантами смыслового пространства выявленных развлекательных интернет-текстов являются гендерные категории маскулинности и фемининности, а также такие значимые для ГКМ концепты, как «Любовь» и «Брак». По мнению интернет-пользователей, традиционные представления о том, что скромность, честность, послушание, смирение и другие качества, составляющие эталон обобщенного образа фемининности, либо не присущи современным женщинам, склонным к стяжательству и распушенности, либо оказываются неуместными и даже вредными в реальных гендерных отношениях, основанных на унижении и эксплуатации, поскольку приводят к несчастью и разочарованию. Архитипический образ чудесной невесты оказывается невозможным или нежизнеспособным за пределами сказки. Что касается категории маскулинности, то едва очерченный сказочный образ прекрасного принца, схематически обозначающий мужскую социальную и семейную роль, в смысловом пространстве развлекательных текстов также подвергается трансформации и символизирует реального мужчину. В текстах, содержащих критику фемининности, это человек, который сталкивается с разочарованием от невозможности найти достойную партнершу, в других речевых произведениях, критикующих типичные мужские недостатки и изображающих тяготы женской жизни, — циничный развратник или тиран, принуждающий супругу к тяжелому бессмысленному домашнему труду. Актуальность выявленных и проанализированных текстов и их широкое распространение в коммуникативном пространстве русскоязычных развлекательных интернет-порталов могут быть косвенным свидетельством трансформаций национальной гендерной картины мира, а также масштабного социального кризиса, который переживает современное российское общество. Образцы сетевой низовой словесности свидетельствуют о последовательной деаксиологизации традиционно значимых концептов «Любовь» и «Брак», а также таких личностных качеств, приписываемых эталонному фемининному образу, как скромность, терпеливость и трудолюбие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пронякина М.В. Гендерный аспект картины мира в тексте журнального интервью // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. — 2016. № 1. С. 41–48.
2. Морозова Т.И. Универсальное и уникальное в диалектной картине мира (на материале донских говоров) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. — 2014. № 7(92). С. 99–104.
3. Морозова Т.И. Донская казачка: языковые и фольклорные средства воплощения образа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. № 10(52): в 2 ч. Ч. I. С. 130–134.
4. Морозова Т.И. Языковые средства воплощения образа донского казака // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. № 8(103). С. 104–108.

5. Арестова А.А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности: монография. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2006. 131 с.
6. Пивоварова Д.А. Гендерные особенности языковой картины мира мужчины и женщины // Современная филология: методы, гипотезы, проблемы, универсалии: Сб. н.ст. Самара: Самарский филиал ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», 2019. С. 136–141.
7. Афанасьев А.С. Гендерная картина в женской рок-поэзии: монография. М.: Флинта. Наука, 2017. 160 с.
8. Нечаева Н.А. Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры // Петербургская социология сегодня. 2019. № 12. С. 114–133. DOI: 10.25990/socinstras.pss-12.j3da-p711.
9. Андриенко Е.В., Горбачева И.М. Гендерная картина мира в контексте современного гражданского общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1(21). С. 81–87. DOI: 10.24151/2409-1073-2019-1-81-87.
10. Дутова Н.В. Гендерные картины мира: сравнительный анализ западной и восточной КГМ // Вестник Читинского государственного университета. 2011. С. 35–40.
11. Резанова З.И. Методологическая интеграция в процессе дискурс-анализа: анализ дискурсивной картины мира // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 96–105.
12. Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира — аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184–194.
13. Ляшева М.Н. Аксиологические смыслы в развлекательном интернет-дискурсе // Вестник АГУ. 2018. Вып. 3 (222). С. 65–69.
14. Власова О.В. Сказочные образы в интернет-меме как креолизованном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Вып. 4. С. 1231–1241. DOI: 10.30853/phil20220198.
15. Щеброва С.Я. Сказка про Золушку: запретить нельзя оставить! // Журнал интегративных исследований культуры. — 2019. Т. 1. № 1. С. 28–39. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-1-28-39.
16. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 55–72.
17. Чехова М. Nomina propria в сюжетном типе сказок 510 а // Филология и литературоведение. 2014. № 11. URL: <https://philology.snauka.ru/2014/11/1017> (дата обращения: 14.11.2022).
18. Jameson R.D. Cinderella in China. // Cinderella: a casebook. — Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1988. 328 p. P. 71–97.
19. Сковородников А.П. К определению термина «лингвоцинизмы» // Мир русского слова. — 2014. № 3. С. 49–54.
20. Дубин Б.В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной литературы. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
21. Вокуев Н.Е. Феноменология стеба в современной массовой культуре // Аналитика культурологии. — 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-steba-v-sovremennoy-massovoy-kulture> (дата обращения: 01.05.2023).

Balyunis Evgeniia Vladimirovna

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: evakallas@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2521-1026>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=884502

The plot transformations about Cinderella in the texts of Russian entertainment Internet discourse: gender aspect

Abstract. The article analyzes the semantic and value transformations of the classic fairy tale story about Cinderella, observed in the actual verbal and creolized texts of the Runet entertainment discourse: historiettes, jokes, socialmedia statuses, motifake, memes. These anonymous versatile speech products are considered as examples of «naive» gender studies, which are a valuable source of information about the spontaneous ideas of Russian-speaking users about the current gender order and are an integral part of the Russian gender Internet discourse. The last one is defined by the author as an expanding set of Internet texts that are different in nature, structural organization, specifics of linguo-stylistic design and genre parameters, which are characterized by gender themes and issues, the presence of implicit gender-significant meanings and the presence of their own semantic dominants, values and anti-values. It is established that the name of the main character of the fairy tale is an ordinary connotative literary anthroponym and plays a key role in organizing the semantic space of entertaining Internet texts. The quantitative analysis results show that 75 % of the identified texts about Cinderella contain explicit gender meanings, represent typified images of femininity and masculinity, and also represent marriage and romantic relationships as anti-values. It is established that in 93 % of all gender-sensitive Internet texts about Cinderella there is a pronounced negative assessment: in 126 units (57 %) — a generalized feminine image; in 58 (26.2 %) — masculine; in 29 (13.1 %) — marriage (romantic relationships), while in some contexts both marriage as a social institution and one of the gender categories are negatively assessed at the same time. A migratory fairy tale subject fairy tale, its key images and motifs, as well as the axiologems contained in it, become the object of banter from anonymous users and are subjected to carnival rethinking. The author shows that in the semantic space of modern Russian cyber folklore texts, significant components of the classical source undergo grotesque transformations that contribute to the deaxiologization of such concepts as «Love» and «Marriage», as well as the creation of negative generalized images of femininity and masculinity.

Keywords: gender Internet discourse; gender picture of the world; femininity; masculinity; banter